

A woman with long, dark, braided hair adorned with yellow wildflowers. She has light blue eyes and is wearing a dark blue dress with a brown, patterned vest and a wide, patterned sash. She is holding a bouquet of wildflowers in her hands. The background is a field of yellow wildflowers with a wooden building in the distance.

ПОЛЫНЬ - ТРАВА ГОРЬКАЯ 2

Ольга Брюс

Ольга Брюс

Полынь - трава горькая 2

«Автор»

2026

Брюс О.

Полынь - трава горькая 2 / О. Брюс — «Автор», 2026

Продолжение первой книги "Полынь - трава горькая" На хуторе Полину сторонятся из-за мрачной репутации её покойной бабки. Несмотря на дерзкий нрав и способность дать отпор любому, девушка изо всех сил стремится наладить отношения с жителями - ведь они почитают её за таинственный дар, перешедший по наследству. В этом противоречии - ключ к её непростой судьбе.

© Брюс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ольга Брюс

Полынь - трава горькая 2

Глава 1

Сумрачный осенний лес застыл в том особенном предзимнем оцепенении, когда земля, уже припорошенная белым пухом, всё ещё не была скована жестокими морозами. Первый снег выпал накануне, и ложился так тихо и бережно, словно боялся потревожить осенний сон природы. Проснувшись утром и выглянув в окно, Полина увидела, как всё вокруг преобразилось: земля, ещё вчера тёмная и сырая, теперь была укрыта тонким белым холстом, а лапы елей, поблёскивали на проглядывавшем солнце серебряными искорками. Мороз держался лёгкий, всего градус или два, поэтому дышалось в лесу особенно легко и хорошо.

Полина вышла из избы, завязала потуже белый пуховый платок и ступила на едва заметную тропку, ведущую вглубь чащи. Где-то там бродил её Гришка в поисках тёплой берлоги: впасть в спячку он, наверняка, не успел. Крепкий и сильный медведь, он мог ещё пару недель бродить по лесу, до середины декабря отыскивая в земле подмёрзшие сладкие корешки, и только потом впасть в спячку, вслед за молодыми медведями и самками с малышами, которые всегда засыпали раньше.

Полина шла не спеша, – прогулка доставляла ей настоящее удовольствие, – и мысли её, светлые и чистые, не тревожили тяжёлые воспоминания. Вдруг перед ней, пересекая узкую тропу, протянулась цепочка овальных, глубоко вдавленных следов. Отпечатки были крупными, с отчётливыми бороздами когтей. Сердце Полины радостно ёкнуло: «Гришка!». Но тут же она заметила рядом другие следы. Маленькие, они шли параллельно большим – то уходили в сторону, то возвращались к крупным следам. Полина выдохнула облако пара. Нет, это не Гришка. Только что, может быть, пару часов назад, здесь прошла медведица с медвежатами, направляясь к оврагам.

Полина осторожно двинулась по следу, стараясь ступать так, чтобы не хрустнуть веткой и не потревожить застывшую тишину. Но потом остановилась и, проследив взглядом, поняла, что медведица привела медвежат к прошлогоднему бурелому, где заранее отыскала тёмные лазы и укрытия. Полина прислушалась. Подходить ближе не стоило. Нельзя тревожить семейство, иначе медведица, почувшая угрозу, может стать смертельно опасной. Полина сделала несколько осторожных шагов назад, повернулась и, наконец, вышла на прежнюю тропу, торопясь вернуться домой. Гришкиных следов она сегодня так и не нашла, а значит, он ушёл далеко, или просто теперь держался осторожнее.

Ближе к вечеру, когда небо начало темнеть, а снег сделался синеватым, Полина решила сходить к Пьяному ручью за водой. Родник бил в ложбине, неподалёку от её избушки, и вода там всегда была пьяняще освежающей и вкусной. Прихватив два ведра, Полина вышла на крыльцо и уже сделала несколько шагов в сторону ручья, как вдруг в сумеречной тишине до неё донёсся далёкий звук. Это был мотор. Где-то, в стороне заброшенного Голыбинского тракта, урчала машина.

Полина опустила ведра на землю. Но тут звук внезапно оборвался, и на лес снова опустилась тишина.

– Уж не охотники ли? – в голове Полины вспыхнула тревожная мысль о медведице с медвежатами. Если охотники решили взять берлогу...

Она нахмурилась. Кому же тут быть ещё? Лесорубы обычно браконьерничают в другой стороне, да и не будут они гонять легковую машину по лесу. Они чаще на тракторах приезжают и тянут потом волоком огромные брёвна. А вот охотники... Они машину запросто могли

бросить на дороге, а там до оврагов пешком пройти можно, не заблудишься, они тянутся на несколько километров, пересекая чащобу.

Подумав немного, Полина оставила вёдра и зашагала к оврагам, надеясь, что успеет прийти туда первой.

А в это время по лесной дороге пробиралась группа из четырёх мужиков. Степан, сосед Захара Большакова, шёл первым. За ним следовал Михаил Малыхин. Замыкали шествие Геннадий и Василий – голыбинские братья-охотники, вызвавшиеся помочь Степану поднять медведя – редкую добычу, которой потом можно было долго гордиться.

– Слышь, Стёп, а как это Захар отказался? – спросил Михаил, вытирая пот со лба. – Что-то на него не похоже. Сам же рассказывал, что с медведицей едва нос к носу не столкнулся. Его Найда в два счёта берлогу бы обнаружила.

– Обойдемся без Найды, – отозвался Степан, не оборачиваясь. – Я тоже не пальцем деланный. За буреломом она. Как пить дать.

– А если она с медвежатами? – подал голос Геннадий. – Озверееет же, сука.

– Не если, а с медвежатами, – хохотнул Василий. – Они знаешь, как ценятся? Есть любители такого зверя дома держать. С жиру господа бесятся, а нам-то что, приведём им хоть чёрта лысого, лишь бы платили хорошо.

– Захар-то чего не пошёл? – повторил свой вопрос Михаил.

– Да скрутило его что-то перед самым выходом! – махнул рукой Степан. – Я зашёл к нему, а он лежит, стонет. Ничего, он как старый дуб, его не своротишь. Ещё нас всех переживёт...

Захару действительно было плохо. Приступ был таким внезапным, что Большаков испугался не на шутку. Он уже стоял в дверях, одетый по-походному, когда почувствовал такую дурноту, что вынужден был опереться о косяк. Голова закружилась, в глазах потемнело, и ноги стали ватными. Он с трудом добрался до кровати и рухнул на неё, чувствуя, как по вискам разливается горячая, пульсирующая боль.

– Вот ведь ведьма проклятая! – прорычал он в подушку, вспомнив Полину. – С того света житья мне не даёт, падла! Да всё! Всё! Никуда я не иду! – крикнул он громко, в исступлении, будто надеялся, что её дух услышит его и отстанет.

В дверях его комнатёнки появилась жена. Она стояла, испуганно глядя на него.

– Ты чего орёшь-то, Захар? – проговорила она дрогнувшим голосом, подходя ближе. – Заболел, что ли? А ли рехнулся на старости лет?

– Рехнёшься тут! – огрызнулся он, вяло и как бы нехотя произнося слова, и отвернулся к стене. Не слыша больше голоса жены, он застонал, чувствуя, как противная, раскалённая игла зудит и сверлит мозг, протыкая его от виска до виска, не давая покоя или передышки.

– Эм...ммм... – хрипел Захар, но боль не проходила, а лишь становилась глуше, и от этого было ещё невыносимее. А перед его глазами, среди мутного тумана, вдруг всплыло лицо Полины, спокойное и строгое: «Тронете медведей, прокляну!».

Захар и сам не заметил, как провалился в тяжёлый, беспокойный сон. Раскалённая игла в голове понемногу угасла, уступив место глухой, вязкой темноте, из которой то и дело всплывали страшные, искажённые болью образы. Ему снилось, что он идёт по снежному лесу, а за ним кто-то неотступно крадётся, и от этого по спине полз неприятный холодок.

Очнулся Захар от грохота. Кто-то колотил в дверь со всей силы, а во дворе, надрывно захлёбываясь, лаяли собаки. Захар крикнул, схватился за голову, сел на кровати, не понимая, где он и что происходит. Сердце отчаянно колотилось почему-то в горле, в висках стучало. За окном была глухая ночь, и только холодный лунный свет заливал припорошённый снегом двор.

– Кто там, Захар? – испуганно спросила на своей кровати жена.

– Цыть ты! Спи! Сейчас посмотрю, – пробормотал он, нашаривая ногами тапки. – Ну? Кого тут леший носит?

– Я это!

Узнав голос, Захар накинуд полушубок и щёлкнул выключателем. Над крыльцом вспыхнула тусклая лампочка, залил двор жёлтым, неровным светом.

Захар отворил дверь. На крыльце стоял Степан. Без шапки, в расстёгнутом тулупе, с лицом белым, как тот снег, что лежал вокруг, он тяжело дышал, будто после быстрого бега.

– Ну что, подняли косолапого? – спросил Захар, и в голосе его невольно прозвучала зависть. Он-то остался дома, а эти, значит, добычу взяли. Но Степан молчал, смотрел на Захара широко раскрытыми глазами, и губы его мелко дрожали.

Захар всмотрелся в его лицо, и зависть сменилась тревогой.

– Нет, что ли? – он приподнял брови. – Али порвал зверь кого? Да говори ты, что ж ты молчишь?! Степан!

Он схватил соседа за рукав и втащил в дом. Степан переступал ногами, как деревянный, и не говорил ни слова. Захар усадил его за стол, налил полный стакан водки и сунул в руки.

– Пей! – приказал он.

Степан дрожащей рукой поднёс стакан к губам и выпил залпом. Водка пролилась на подбородок, но он даже не вытерся.

– Ну? – поторопил его Большаков.

Несколько мгновений Степан сидел неподвижно, потом перевёл на Захара взгляд и заговорил.

– Мы обшарили два склона, Петрович. А когда к третьему подошли... – он сглотнул, и голос его осел. – Смотрим, стоит.

– Кто стоит? – не понял Захар. – Медведь?

– Полынь! Полинка Савельева.

Захар дёрнулся, будто его ударили под дых.

– Сдурел ты, Степан, или как?! – зло бросил он. – Уж сколько времени прошло. Потонула она. Я с участковым разговаривал, его в район даже из-за этого вызывали. Так что, нет её. Что ты мелешь?!

– Говорю тебе, она там стояла! – Степан стукнул кулаком по столу, и стакан подпрыгнул. – Луна как раз в этот момент выползла, лицо её осветила. Бледное, с синевой даже. Такое только у покойников бывает. Стоит и не шелохнётся. И смотрит на нас. А потом, Захар, потом она руку вытянула и на нас показала. Вот так, прямо пальцем. Вижу, мол, вас!

Он попытался изобразить, но рука его бессильно упала на колено.

– И что дальше? – спросил Захар, чувствуя, как по спине ползёт холод.

– Мишка Малыхин карабин вскинул, выстрелить захотел. На курок нажал – бац, осечка. Он второй раз, уже без осечки, выстрелил. А она как стояла, так и стоит. Даже не дрогнула. Видать, пуля сквозь неё прошла, как сквозь туман.

Захар молчал. В доме было тепло, но его била мелкая дрожь.

– И что же вы? – переспросил он тихо.

– Ничего. Дёру оттуда дали. Еле ноги унесли, всё боялись, что она не выпустит нас оттуда, – Степан вытер лицо ладонью. – В общем, ты как хочешь, Петрович, а мы медведей трогать не будем. Ни сейчас, ни потом. Своя шкура дороже. Она, проклятая, с того света сживёт, если что.

Захар стиснул зубы. Внутри всё кипело. Злость на Степана за его бабьи страхи, на себя – за то, что не пошёл, на Полину – за то, что даже мёртвая не даёт ему покоя – жгла его изнутри и боль в висках усилилась, вызвав тошноту.

– Перепились вы там, что ли?! – рявкнул он. – Или, как бабы, в чертей поверили?! Так в церковь ходите, если вам всякая чертовщина мерещится!

Степан поднялся. Он уже не был так бледен, но в глазах его всё ещё стоял страх.

– Может, и мерещится, – сказал он сердито. – Только ты сам, Захар, если хочешь, медведя поднимай, а я пас. Ладно, я тебя предупредил: в лес не суйся. А дальше, как знаешь. Всё, я пошёл. Спасибо за водку.

Он вышел, хлопнув дверью. Во дворе снова залились лаем собаки, потом всё стихло. Захар остался один. Он слышал, как в комнате заворочалась на постели жена.

– Ну что там стряслось?

– Ничего, – буркнул он, вернулся в свою комнатку, лёг на кровать и закрыл глаза. Но сон не шёл. Степан ворочался с боку на бок, и перед глазами качалась картина: мёртвая фигура в лесу и её протянутая рука, но направленная не на Степана, а на него самого. Он злился, гнал эти мысли, но они возвращались. «Сживёт со свету проклятая ведьма», – вспыхнуло в мозгу. Захар сдвинул ладонями виски и до самого рассвета не сомкнул глаз, прислушиваясь к ночным шорохам.

А когда за окном начало сереть, он поднялся. На этот раз его не шатало. Он оделся, взял ружьё, свистнул Найдю и вышел из дома. Ноги сами повели его в лес.

Глава 2

Шагая по лесу знакомой тропой, Захар, отлично знавший эту местность и десятки раз бывавший здесь в любое время года, вдруг подумал, что сейчас он похож на больного, беспомощного зверя, который бродит по этой глуши, выбирая место, где можно лечь и умереть.

– Ну нет, чёрта с два! – выругался он, снова представив Полину, которая, конечно, желала бы его гибели. А может быть, это она специально заманила его сюда? Наверное, так оно и было, ведь он, по сути, потащился в лес против своей воли, повинаясь какой-то силе, против которой ничего не мог сделать.

Захар бросил вокруг себя встревоженный взгляд: голые деревья, лишь кое-где припорошенные снегом, тянули ветви, похожие на чёрные, скрюченные пальцы, к серой пелене облаков, но не доставали до них, и лишь бессильно вздрагивали на ветру. А небо висело так низко, что, в самом деле, казалось, до него можно дотянуться рукой.

Постепенно Захар стал замечать, что каждый шаг даётся ему с трудом: его ноги будто опутывали невидимые нити, сковывая движения, голова кружилась и каждый вдох рассеивал внутри тысячи мелких острых иголок, впивающихся в лёгкие.

Найда бежала впереди, то и дело оглядываясь на хозяина, и её дыхание вырывалось из пасти белыми клочками пара. Собака чувствовала тревогу, исходящую от человека, и сама начинала нервничать: уши её прижимались к голове, хвост опускался, а походка становилась осторожной, крадущейся. Она то забегала вперёд, обнюхивая замёрзшие кочки, то возвращалась и тёрлась о ноги Захара, будто пытаясь сказать: «Вернёмся, хозяин. Здесь нехорошо».

Но Захар упрямо двигался вперёд, хотя чувствовал себя плохо – не так, как чувствуют себя больные гриппом или простудой, а как-то иначе, глубже, словно болезнь поселилась в самой сердцевине его нутра и пустила там корни. Голова гудела, виски сдавливало, а в груди, где-то под рёбрами, засела ноющая тяжесть, которая мешала дышать полной грудью. Казалось, сам воздух стал гуще и плотнее, насыщенный влагой и холодом, и он не желал проходить в лёгкие, застревая в горле комом.

Вокруг царила неестественная тишина: та особая тишина перед наступающей зимой, когда всё живое уже замерло, приготовилось к долгой спячке, а зима ещё не вступила в свои права. Не слышно было птичьего щебета, не шуршали в опавшей листве мыши, даже поднявшийся было ветер теперь затаился, изредка позволяя себе слабый, едва уловимый вздох.

– Да где же эта чёртова избушка? – выругался Захар и, словно по волшебству, тут же заметил тёмный силуэт почерневшего от времени сруба.

Захар постоял немного, собираясь с духом, потом подошёл ближе и припал лицом к чистенькому оконному стеклу. Внутри царила непроглядная тьма, в которой угадывались лишь смутные очертания стола и печи. Ни огня, ни движения. Пустота.

Внезапно тишину разорвал истошный лай Найды и Захар вздрогнул, ощутив на затылке ледяной холод чужого взгляда. Он резко обернулся, и мир перед глазами поплыл: в трёх шагах от него стояла Полина и смотрела на него с тем странным спокойствием, которое уже столько времени сводило Захара с ума.

– Что тебе нужно, дядя Захар? – спросила она, и голос её, строгий и серьёзный, мгновенно перекрыл звон в его ушах, возвращая реальность.

Захар сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле, и всмотрелся в лицо девушки: никакой мертвенной синевы, на скулах играет лёгкий румянец, глаза поблёскивают, розовые губы плотно сжаты, в руках два ведра с водой – значит, ходила к ручью. Одета нормально, никаких тебе прозрачных одежд и необъятных балахонов, на голове пуховая шаль.

– Ну? – нетерпеливо проговорила Полина. – Ты что, в музее? Что ты меня так рассматриваешь? Зачем пришёл, говори!

– Я пришёл... – начал он, запинаясь. – Я пришёл убедиться, что ты.... Что ты живая.

Полина поставила ведра на землю, и вода в них едва плеснулась. Она потёрла озябшие ладони, поднесла их к губам, согревая дыханием.

– А тебе какая разница, живая я или мёртвая? – проглотила его насмешливым взглядом. – Безобразничать в лесу я всё равно не дам. Это моя земля.

Захар покачал головой:

– Значит, ты и вправду ведьма, – усмехнулся он. – В огне не горюшь, в воде не тонешь. А вчера, мне Стёпка рассказывал, что Мишка Малыхин в тебя стрелял, но тебя и пули не берут. Вроде как пуля прошла сквозь тебя, а ты даже не пошатнулась.

Полина сделала шаг к нему, и Захар невольно отшатнулся, хотя в глазах её не было угрозы. Она остановилась в полуметре, и он увидел, как под её глазами залегли тёмные тени усталости.

– Не ведьма я, дядя Захар, чтоб люди там не городили, – сказала она спокойно, и в голосе её вдруг послышалась такая глухая, выжженная боль, что у него перехватило дыхание. – И Мишка твой промахнулся совсем чуть-чуть. Не дрожали б так его руки, не стояла б я сейчас перед тобой. Одного понять не могу, чем я так всем вам жить мешаю? Кому я что-то плохое сделала? За что дом мой сожгли? Почему тут преследуете, жить не даёте? Объясни, а?

Захар смутился, но, не найдя слов, промолчал.

– Гришку моего зачем известить хотите? Знаете ведь, что я его с малства выхаживала, сроднилась с ним. Смотри, собака у тебя какая, лоснится вся. Стало быть, заботишься ты о ней, а что же не пристрелишь? Жалко? Вот и мне Гришку жалко. Как и ту медведицу с медвежатами. В наших краях медведи уже много лет не водились, случайно только если какой забрести мог. И что же? Наши мужики сразу за ружья. Так и мать Гришкину подстрелили и его самого, ребёнка совсем, ранили. Так кто же из нас зло по земле носит, скажи? Молчишь? Вот и молчи, дядя Захар. И думай, что хочешь: можешь ведьмой меня считать, можешь – тварью последней. Мне это уже не важно. А теперь уходи. Некогда мне с тобой разговоры разговаривать.

Она подхватила ведра и прошла мимо него, почти коснувшись плечом его руки. Дверь избышки с глухим стуком захлопнулась, и на поляне снова воцарилась тишина.

Захар постоял ещё немного, глядя на закрытую дверь. Он слышал, как за ней звенит ведро, видел мелькающий в окне лёгкий силуэт.

Зачем он приходил сюда? Чего хотел? Убедиться, что Полина живая? Ну вот, она живая. Дальше-то что? А в висках Захара бился беспокойный и требовательный голос Полины:

– Одного я понять не могу, чем я так всем вам жить мешаю? Кому я что-то плохое сделала? За что дом мой сожгли? Почему тут преследуете, жить не даёте? Объясни, а? Объясни, а? Объясни...

Помотав головой, чтобы стряхнуть наваждение, Захар побрёл обратно. Как рассказать этой девчонке, что он мог бы быть её отцом? Как объяснить, что он так и не смог простить за измену свою первую любовь? Да и надо ли ей знать это? С каждым шагом ноги наливались свинцом, а виски сдавливало всё сильнее. А с небес на землю, кружась и покачиваясь, начал падать лёгкий и пушистый, словно лебяжье перо, снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.